

СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ*

Работа посвящена исследованию стратегий понимания модернизации как основы для формирования парадигмы развития России. Дается характеристика инструментальной рациональности, экономики дара, реципрокных обменов в сфере управления социальными процессами.

Ключевые слова:

модернизация, реципрокность, трансверсальный разум, экономика дара, экономическая рациональность.

Определяя современную эпоху как время «метафизической мутации», т.е. крупных исторических противоречий, перемен, катастроф, необходимо, прежде всего, зафиксировать то понимание прогресса, на котором основаны различные модели понимания модернизации. Длительное время история представлялась исследователям линией, непрерывно стремящейся вверх, своеобразной «лестницей», взбираясь по которой человек приближается к достижению идеального состояния общества, и мира в целом. Самоуверенность проекта-модерн строилась на базе как раз подобных идей и настроений. Представлялось, что природа модернизации неразрывно связана с целевой рациональностью – чтобы иметь смысл, модернизация с необходимостью должна обладать имманентной целью.

Наиболее отчетливо своеобразие современного общества проявляется в переходе цивилизации от техногенной к информационной, от индустриальной к постиндустриальной. Главным ресурсом развития личности, общества, государства становятся знание и информация. В этих условиях важнейшую роль играет образовательная среда, которая является ключевым источником модернизации и на локальном, и на глобальном уровнях. Однако парадигма современного образования конституирована в логике рыночной экономики. Общим и для образовательной, и для экономической среды являются поиск и создание конкурентных преимуществ выпускаемой на рынок продукции, которая способна обеспечить устойчивое непрерывное развитие.

Таким образом, современная – постиндустриальная (информационная) – экономика открывает новые возможности

для развития образовательных практик. Вместе с тем, нельзя не отметить и кризисных тенденций, вполне отчетливо заявляющих о себе, а именно: одновременное сосуществование и постоянное противостояние как минимум трех моделей исторического развития – модернизации, постмодернизации и демодернизации.

Концепция линейного развития экономики сегодня терпит крах. На смену ей приходит теория сложных систем с характерными для нее понятиями бизнес-циклов, инновационной нелинейной динамики и т.д. Мировые кризисы последних лет заставляют существенно пересмотреть многие концепты классической и даже неклассической науки в области теории управления систем. Исходная установка классической математической теории принятия решений заключалась в представлении о «совершенной рациональности» агентов, или субъектов экономических процессов.

Действительно, ключевые проявления постмодернистской парадигмы – это методологические принципы хаоса, нелинейности, случайности, плюральности, которые лежат в основе современных – не только гуманитарных, но и естественнонаучных представлений о множественности, нелинейности, открытости любой сложной системы. Это связано с изменениями в самой рациональности – вместе с появлением синергетики, а также с разрабатываемыми ею проблемами нелинейной динамики, понятием хаоса и т.д., вместо прежних порядка, закона, тождественности в основание постклассической картины мира были положены хаос, случайность, различия, ранее занимавшие второстепенное место в системе категорий научного знания.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ грант «Аксиосфера культуры» № 12-03-00411.

Таким образом, происходит инверсия рациональности при рассмотрении всех биологических и социальных систем.

Именно благодаря универсальности идей синергетики относительно хаоса, исследовательская мысль постмодерна получает возможность по-новому осмыслить закономерности процесса исторического развития самой рациональности. Порожденная особой научной и социокультурной атмосферой, постмодернистская наука ориентируется в первую очередь на нестабильность, или, по выражению Ж-Ф. Литара, на «поиск нестабильностей». Этим и определяется предельный плюрализм программ и проектов постмодерна.

Наиболее емко плюралистичную сущность программ постмодерна определил Вольфганг Вельш: «постмодернизм бежит от всех форм монизма, унификации и многих скрытых видов деспотизма, а вместо этого переходит к провозглашению множественности, многообразия и конкуренции парадигм и сосуществованию гетерогенных элементов. Постмодернизм радикально плюралистичен и не из-за поверхностности подхода или безразличия, но благодаря сознанию бесспорной ценности различных концепций и проектов» [2, с. 129].

Главная задача данной работы заключается в том, чтобы прояснить некоторые фундаментальные структуры, лежащие в основе современной модели рациональности, ведь само понятие рациональности в научном мире связано, прежде всего, с исследованиями в области экономики.

Конец XIX в. ознаменовался рождением человека качественно нового типа – «homo oeconomicus». Концепцией экономизации человека и социокультурных процессов, была сформулирована проблема чрезвычайной важности – какие мотивы, стимулы и цели лежат в основе человеческих действий. В этом смысле, экономика, по сути, становится новой парадигмой мышления, способом познания человека, а современное общество характеризуется безусловным проявлением экономизма как определенного способа миропонимания, определенной парадигмы.

Та или иная модель рациональности, обуславливая специфику межсубъектных отношений, приобретает характер социокультурной парадигмы, рациональности, которая, в свою очередь, формирует не только познавательную активность ученых, специалистов, но и всю систему норм повседневной общественной жизни. Социокультурная парадигма представляет собой не просто модель,

образец познания и практической деятельности человека, а то, что является фундаментом, основанием для нормотворчества, т.е. слабо зависящая от действий отдельного субъекта разработка правил, законов, принципов, концептов, норм, регулирующих поведение тех или иных субъектов социокультурной сферы.

Представляется, что в качестве социокультурной парадигмы сегодня выступает экономическая реальность, рождающая соответствующие практики мышления, общения и взаимодействия между различными субъектами.

В XX в. все более очевидным оказывается влияние, оказываемое экономической сферой, на духовный мир человека, образовательные практики, и гуманитарное знание в целом. Так, в частности, социология и философия начала XX в. работами М. Вебера, Г. Зиммеля, С. Булгакова и др. мыслителей, фиксирует тот факт, что многие явления и события, прежде казавшиеся устойчивыми, относящимися к духовному миру, внутреннему пространству человеческой личности, фундированы темпом и ритмом экономической действительности – та или иная модель экономических отношений, как указывает М. Вебер, определяется соответствующей моделью рациональности.

В этой связи стоит отметить, что характерная для XX–XXI вв. радикальная модернизация экономических систем, вовсе не является первичным фактором изменений в структуре рациональности. Скорее наоборот – данные изменения вызваны к жизни соответствующими трансформациями в пространстве мысли – по существу, экономика, проникая в область «производства» внутреннего мира человека, указывает на водораздел между классической и неклассической рациональностью.

Говоря о рождении «экономического» сознания в эпоху модерна, необходимо отметить, что модернизация, как и проект-модерн, неразрывно связана с капиталистической моделью рациональности и экономики. В этом смысле, модернизация представляет собой переход от «традиционного» к «современному» обществу, при этом модерн реализует себя как радикальный разрыв с традицией.

Согласно исследованиям М. Вебера, основная черта «модернистского», капиталистического общества – постепенная рационализация всех его сфер. При этом, как указывает Вебер, протестантское вероисповедание оказало определяющее влияние на становление индустриального общества и «духа стяжательства». То значение, которое

трудова́я де́ятельность получает в протестантской теологии, неизвестно ни одной другой культуре. Реформация осуществила радикальный прорыв, создав субъекта модернизации принципиально нового типа, которого М.Р. Элоян предложила называть *Homo capitalisticus*.

«Экономический» человек открыл эпоху бурного промышленного и технологического развития, ярчайшим социокультурным проявлением которой стала идеология либерализма и модернизации [4]. Так, Б. Рассел однозначно связывает зарождение либерализма с промышленными революциями Нового времени: «ранний либерализм был порождением Англии и Голландии, и обладает некоторыми ярко выраженными чертами... Он отдавал должное торговле и промышленности и оказывал более предпочтительное поднимавшемуся среднему классу, чем монархии и аристократии; он проявлял громадное уважение к праву собственности, особенно когда она накапливалась благодаря труду самого владельца. ...Безусловно, тенденцией... либерализма была тенденция к демократии, регулируемой правом собственности» [8, с. 114]. Ф. Фукуяма в этой связи отмечает, что «появляющееся в «конце истории» государство либерально – поскольку существует с согласия подданных... это «общечеловеческое государство» нашло реально-жизненное воплощение в странах послевоенной Западной Европы. Вся человеческая история с ее конфликтами основана на существовании «противоречий»: стремление древнего человека к признанию, «диалектика господина и раба», преобразование природы и овладение ею, и т.д. В общечеловеческом же государстве разрешены все противоречия и утолены все потребности. Отныне нет борьбы, нет серьезных конфликтов» [11, с. 17]. Согласно Фукуяме, единственное, что остается «постсовременному» человеку – это экономика. Бесконечная инверсия знаков в другие знаки.

Отсюда следует, что проект-модерн, как и вся идеология либерализма, заключается, прежде всего, в кардинальной рационализации всей системы отношений «человек–мир». В исследовании этого вопроса крайне важны работы М. Вебера, который рассматривал экономику не просто как одну из сфер человеческой жизни, но как составную часть европейской логической эпистемы. Сквозной темой в работах Вебера проходит идея инструментальной рациональности, позволяющая добиться высокой экономической эффективности и оптимума соци-

ального поведения – т.е. минимизации трудовых затрат при максимизации получаемой прибыли.

Индустриальная цивилизация, построенная в рамках модернистской идеологии, представляет собой предельно рационализированную форму экономики, в которой агент осуществляет свою деятельность на основе рационального сопоставления, расчета получаемой прибыли и издержек при достижении цели. Именно эта особенность новоевропейской экономической модели является неотъемлемым, наиболее существенным элементом капиталистической «программирующей матрицы» (С.Л. Кропотов) мышления.

Подобный подход к проблеме модернизации фиксирует внимание на замещении внутреннего мира человека расчетливым, калькулирующим рассудком, сакральных практик, представляемых в виде обычаев, традиций, и т.д., постоянной гонкой за максимизацией капитала. Уже подмечалось, что модернистская типология мышления явила себя посредством формальной рациональности, калькулируемой в деньгах, через рождение «духа стяжательства», «духа накопления», как главной характеристики *homo oeconomicus*.

Исходя из этого, современная интеллектуальная традиция пытается построить, по принципу дополнительности, альтернативную систему, которая основывается на принципиально иной экономической логике – различные теории и отечественной, и европейской мысли, утверждают модель циклического развития общества. При подобном подходе отсутствует представление о том, что процессы модернизации едины, абсолютны и неизбежны. Напротив, поскольку модернизация представляет собой циклическое явление, она локальна, обратима и, в зависимости от социокультурных, экономических и политических условий может развиваться в нескольких направлениях одновременно.

В частности, теория экономических циклов позволяет анализировать экономический рост и развитие с позиций синхронического видения – в одном и том же обществе одновременно могут действовать механизмы и модернизации, и демодернизации, и постмодернизации – движение по до-индустриальному, индустриальному и постиндустриальному путям одновременно, каждый из которых имеет свои критерии «модерности», прогресса и регресса. Пример тому – современное постсоветское пространство.

Так, М. Вебер рассматривает модернизацию, т.е. превращение «традиционного»

общества в «современное», вовсе не как естественный и органический процесс, который обязательно должен быть пройден всеми народами и культурами. Будучи «гением конкретного», немецкий социолог показывает, что модернизация в известном нам виде является детищем европейской рациональности, вне которой она немыслима. При этом сам европейский тип миропонимания был вызван к жизни специфической протестантской теологией. Т.е., путь развития общества от традиционного к современному имел естественный характер лишь для Европы XVI–XIX вв. Следуя логике М. Вебера, во всех остальных случаях нам следует говорить скорее об искусственной, или вынужденной модернизации. По сути, сегодня мы наблюдаем расширение и проекцию сугубо европейского опыта модернизации на весь мир.

Ж. Батай в этой связи указывает на то, что принцип полезности или целесообразности не может быть единственной причиной при объяснении человеческих действий. Некая часть человеческой жизни регулируется не поиском пользы, прибыли, накопления, сохранения энергии (богатств), а прямо противоположным принципом непроизводительной траты. Необходимость подобной траты отвергается логикой модернистского общества, которое ориентировано исключительно на накопление и отвергает необходимость бездумной траты [10, с. 151].

Сегодня, в новой экономике, основанной на знаниях, мы видим проявление многих архетипов или социокодов, мемов, характерных для «вне-классической» инструментальной рациональности. Одним из наиболее любопытных среди них является экономика дара. Крайне интересны в этом отношении исследования, начатые М. Моссом и подхваченные целой плеядой исследователей, среди которых можно выделить Ж. Батая, Р. Кайуа, М. Саллинза, Р. Жирара, и др. Речь идет о первичной экономической логике, которую принято называть экономикой дара.

Французская социально-антропологическая школа, акцентируя внимание на образе жизни человека архаического (традиционного), а также, «постсовременного» общества [9], рассматривает обмен прежде всего как имеющий символическую, а не инструментальную значимость (потребление как производство знаково-символической реальности, формирование статуса, престижа, производство социальности по типу сети).

В этом подходе фиксируется главное предназначение экономики – производс-

тво определенной парадигмы мышления, рациональности, т.е. знаний, информации, коммуникации, взаимодействий внутри сообщества

Экономика дара, представляя собой определенную модель мышления, характерного для сетевой организации общества, ставит под сомнение тезис о товарно-денежной природе экономического обмена и эгоистическом сознании человека. В этой связи К. Полани, показывает [7, с. 508], что в первобытных сообществах, постоянно находящихся на грани между жизнью и смертью, была распространена поддержка каждого члена коллектива силами всего сообщества.

М. Мосс одним из первых проанализировал дар как явление, имеющее имманентную экономическую логику, и, вместе с тем, включающее в себя множество аспектов социальных отношений и культуры в целом. Анализ существующего количества эмпирического материала позволил Моссу передать специфику рациональности на примере тех сообществ, в которых отсутствуют товарно-денежные отношения.

М. Мосс считает ритуал потлач [5] наиболее интересной формой социального обмена. В этом ритуале успех экономических действий обеспечивается не накоплением ресурсов, а их растратой. По мнению А. Дугина, «в ... обществе преобладает экономика дара. И когда общество в результате хозяйственной деятельности наращивает избытки, тогда устраивается праздник, на котором избытки подвешиваются или сжигаются, или все дарят богам или духам. Избыток опасен, это нарушение баланса, он становится сакрально ненужным, и его отдают в жертву производящим силам природы. Отсюда экономика жертвы» [3].

Подобный обмен дарами на нерыночной, неравновесной основе определяется современными исследователями как сетевое взаимодействие или реципрокность. Таким образом, система обмена, в которой дар связан с личностью как дарителя, так и одариваемого, позволяет поддерживать сплоченность сообщества и его устойчивость. В этом смысле, как отмечает С.Ю. Барсукова, «дар как тип социальной интеграции противостоит и рынку, и плану, представляя собой экономику иного целеполагания – субстантивную экономику, регулируемую традициями и обычаями и направленную на регуляцию сообщества как целого» [1].

В экономике дара обмен с необходимостью направлен на то, чтобы интегрировать каждого участника сообщества в систему социальных отношений, направленных на укрепление сообщества как целого, пред-

92 ставляя, таким образом, определенную модель создания целостности, преодоления фрагментарности, раздробленности мира.

Для снятия конфликтности, ценностной, мировоззренческой, духовно-нравственной фрагментации современного мира необходимы принципиально иные стратегии рациональности, формирования общности, в которых различные элементы сохраняли бы свою идентичность, особенность. В. Вельш называет такую рациональность «трансверсальным разумом». Смысл этого концепта заключается в том, что, несмотря на множество имеющихся различий между хозяйственными укладами, экономическими моделями, способами конституирования жизненного мира, всегда существует возможность установления связей между различиями. Это общее каждый раз будет конституироваться заново, следовательно, необходим его постоянный поиск и актуализация. Диалог позиций осуществляется в пространстве здесь и сейчас, только тогда коммуникация переживается как актуальная.

Трансверсальный разум являет себя в новом пространстве единого, как абсолют общества «после модернизации» – это разделяемые знания, формы социальности, взаимодействия и коммуникации, которые не могут существовать в прежних рамках централизованной системы частной интеллектуальной собственности.

Происходит понимание новой модели модернизации, которая выводит на первый план научной, философской рефлексии проблему единства и различий экономических моделей разных регионов мира, общности и различия в хозяйственных практиках. Общемировая тенденция последних лет – резко усилившиеся попытки мобилизовать региональные «центры

сил», интерес, преимущественно, к проблеме сообществ. «Глобальные гладиаторы», в которых некоторые современные исследователи [6] видят главную силу, организующую новый мировой порядок, остро нуждаются в региональных центрах, со всеми исторически присущими им особенностями. В этом смысле, модернизация возможна лишь в условиях неоднородного пространства. Очевидным является тот факт, что если бы все региональные особенности, присущие тому или иному жизненному укладу были нивелированы, процесс глобализации потерял всякий смысл. Глобальный рынок в силу своей однородности неминуемо бы распался на множество локальных однотипных систем.

Приведенные выводы и положения еще раз доказывают, что основные идеи проекта-модерн, долгое время служившие единственным источником и ориентиром духовного и социального развития, в современном мире утрачивают свою актуальность. Изменяется в связи с этим и духовный потенциал человека, который трансформируется в капитал индивидуальной мобильности, индивидуальной коммуникабельности.

Можно констатировать, что «homo oeconomicus», ключевая фигура культуры XX века, в наши дни уступает место «homo eticus», то есть человеку этическому, который пытается аксиологически зафиксировать условия и возможности окружающего его мира. Такой процесс возможен только с помощью осмысления ключевых ценностей в современном мире, их влияния на систему отношений между миром и человеком.

Таким образом, модернизацию можно рассматривать как организацию порядка из хаоса в конкретных временных и социокультурных условиях.

Список литературы:

- [1] Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами // 60-летие выхода в свет «Великой трансформации К. Поланьи: уроки для России / Интернет-конференция. – 2004. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/182568.html>
- [2] Вельш В. Постмодерн. Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. – М., 1992. № 1. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://aperlov.narod.ru/texts05/welsch.pdf>
- [3] Дугин А. Традиционное общество и экономика дара // Бизнес ключ. – 2007. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.bkworld.ru/archive/y2007/n09-2007/n09-2007_224.html
- [4] Забаев И.В. Вероисповедание и проблема модернизации (на примере М. Вебера и С. Булгакова) // Экономическая социология. Т. 2. № 4. 2001. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc006.pdf
- [5] Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц., послесловие и комментарии А.Б. Гофмана. – М.: Восточная литература, РАН, 1996. – С. 134–155.
- [6] Негри А., Хардт М. Империя / Пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
- [7] Полани К. О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 505–513.
- [8] Рассел Б. История западной философии. В 2-х тт. – М.: Миф, 1993.
- [9] Саллиндж М. Экономика каменного века. – М.: ОГИ, 2000. – 294 с.
- [10] Фокин С. Философ-вне-себя. Жорж Батай. – СПб., 2002. – 320 с.
- [11] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., Ермак. 2004. – 588 с.